

ЧЕМ вам самому хочется говорить, Александр?

— О чем хочет говорить драматург? О своих пьесах, конечно. В жизни драматурга есть прекрасная пора — премьера. А если ставят пьесу, написанную давно, и тебя приглашают посмотреть спектакль, то есть повод покинуть ненадолго Москву и совершить путешествие не только в пространстве, но и во времени. Неповторимое в некотором роде путешествие я совершил и в начале марта этого года...

— Вы опять куда-то ездите...
— По электронной почте мне сообщали, что меня ищут и ждут артисты в Исландии, на северном острове, омываемом теплыми Гольфстримом. Потомки викингов звали посмотреть мою пьесу «Звезды на утреннем небе». В Рейкьявике мы с женой летели через Копенгаген, в аэропорту которого провели часа три. Надо бы рассказать про карнавал аэропорта... Короче — Копенгаген. В самолете, улетавший в Рейкьявик, среди прочих пассажиров воинственно вошли шумные и пьяные девушки, говорившие по-русски. Как оказалось, это были гражданки Латвии, недавно получившие паспорта и немедленно воспользовавшиеся европейскими свободами и правами человека, а именно — правом человека на труд. Летели они работать в эротических барах. В небогатой, наивной и чистой до недавнего времени, но стремительно богатейшей Исландии открываются заведения, где обслуживают северных рыбаков и моряков, а также солдат американской авиабазы. Так что проститутки, героини пьесы, летели как бы вместе с автором. Среди пассажиров только мы с женой понимали их громкую матерную речь. В самолете девочки еще прибавили шампанского и виски. Исландские женщины смотрели на них с брезгливым осуждением, но мужчины бросали в их сторону теплые взгляды... Оказалось, что спектакль сделали тоже совсем молодые исландские ребята и девушки. Многие из них учились в английских театральных школах. Исландские артисты встретили нас в аэропорту, и, когда мимо нас прошли застывшие и помятые мои бывшие соотечественники, мне стало уже в который раз стыдно за свой большой и беспутный народ. Спектакль считается в Исландии одним из лучших в этом сезоне, получил разные премии, но меня он удивил своим высоким человеческим достоинством. Именно человеческим достоинством. Он мне напомнил те времена, когда мы, новое поколение, так называемые молодые драматурги, пришли в театр, который в то время еще пользовался, скажем так, доверием наших зрителей. Я увидел лица, каких я давно уже не встречал в зрительном зале...

— Сейчас разве этого доверия нет?

— В номинации «За честь и достоинство» у нас награждают, так сказать, за прошлые заслуги. В этом есть, конечно, справедливость, но и свой грустный парадокс.

— Московские театры полны, дорогие билеты раскупаются...

— Я о другом. Театр бывает очень разным. Я говорю о близком для меня типе театра, практически исчезающем у нас, театре о живых людях и для людей. Мне рассказывали, что, когда спектакль Додина «Звезды на утреннем небе» несколько лет назад показали в Милане Стрелеру на юбилее его театра, он плакал. Великий итальянец, смотря пьесу о советских девочках, которых выгнали из Москвы во время Олимпиады двадцать лет назад, поверил в мой вымысел, в необходимость высокого сочувствия униженному и оскорбленному. Нет уже той страны, от того времени остались горы оружия, атомные боеголовки да миллионы стареющих людей, вся вина которых в том, что слишком медленно они вымирают. Об этих людях, потерявших себя, ставших балластом, в последние годы я упорно писал комедии. Почему комедии? Потому что герои были яркими и смешными, и я их за это любил. Я вместе с ними сопереживал, как мог, их нелегкой исторической участи. Последние мои пьесы «Сирена и Виктория» и «Конкурс» ставят широко. Но вот в Исландии отскакивается моя пьеса двадцатилетней давности, написанная в то время «молодым автором» об унижении, о том, как жесток мир. Об этом они и играют. Молодые актеры играют про то, что вообще-то присутствующие люди: про надежду, что мир может быть добр, что жизнь может обойтись и без кровавой борьбы за существование. Я спросил режиссера, совсем еще молодого человека, ходили ли артистки в эротические клубы смотреть на наших русских девушек, прототипов своих героинь. «Нет, — сказал

режиссер, — мы ставили вашу пьесу не про русских или советских, а про себя. Мы маленький народ, нас всего двести семьдесят тысяч. Страна богатее и начинается сортировать людей на богатых и бедных, на чистых и нечистых. Мы не хотим, чтобы кого-то из нас выслали на сто первый километр». Ответ не мальчика — о мужа. Мне кажется, мы столько сидели отдаленно, что забыли о человеке. Наши лучшие театры десятилетиями ставили про советскую систему, а не про отдельных людей. Это была борьба с системой, а в борьбе не обойтись без потерь. Что это было за состояние зрителя, которое господствовало в зале на тех смелых спектаклях, которые я видел и которыми восхищался? Состояние борьбы! Мы гордились этой борьбой! Мы гордились этой борьбой! Я помню лица зрителей на фильме «Дорога» Феллини. На лицах я видел чистоту и никогда не видел агрессии. Я понимаю, что люди испытывают какое-то высокое состояние, я бы назвал его — очищение сочувствием! Театр на Таганке под аплодисменты столько лет яростно боролся с коммунизмом, но коммунизм его все-таки победил — коммунистические слеты и митинги происходят в стенах нового театра! Почему это произошло с нашей театральной легендой? Не страшный ли это парадокс и своего рода наказание — такое соседство? Как мне жаль этот театр! Как он был красив в пору своего расцвета, сколько в нем было достоинства.

В тени многозначительной схватки театра с системой появились русские пьесы, в которых

режиссер. Но сейчас в нашем театре сочинителем спектаклей все более становится театральный художник. Сценографическая идея подчиняет себе текст, актеров, режиссера. Иногда вы не можете воспроизвести в памяти ни текст, ни игру актеров, но вы закрываете глаза и видите: потрясающий свет, доски, занавес. Достижения нашей сценографии стали фактом, но насиле над содержанием не проходит даром...

— Мейерхольдовская традиция, авангардные поиски создали мейнстрим? Поиск в области формы возвращает рано или поздно к тексту, к смыслу, разве не так?

— Но здесь-то и нужен режиссер и артист, чтобы форма стала осмысленной, а не самоцелью! Нужно гармоническое сочетание усилий всех создателей, тогда возникает совершенный спектакль. Я таких спектаклей видел мало...

— Вы не испытываете таких впечатлений от постановок ваших пьес в России?

— Свои пьесы в последние годы я ставлю сам, и здесь мне не до впечатлений. В некоторых я даже играю. Не за горами мой сценографический дебют. Я сполна познал, что такое современный русский театр, в каких героических условиях он борется с нищетой, каким-то чудом оставаясь фактом мировой культуры. Примерно года три назад, совсем уж было загрустив от несовершенства нашей жизни, я решил воспрянуть духом, не унывать и написать комедию со следующей внутренней задачей: я сам во время писания должен был постоянно смеяться.

надевал отцовское старое пальто, шапку, калоши, брал костыль, уходил в город, заходил в магазин, никто не догадывался, что я мальчик, а не старик. С тех пор я так и не понял, кто же я! Разные у меня были роли, но по-прежнему исполняю я всего лишь несколько — сын, муж, отец, друг, сосед, кучерявый уйти, исчезнуть, я вдруг устыдился чего-то. Я понял, что мне надо как можно быстрее забыть свой успех. Знаете почему? Вы когда-нибудь видели старые, пожелтевшие афиши? Это очень грустно, правда? Старая книга — это совершенно другое. Старинные фолианты хранят как великую ценность. Но легкомысленные афиши, на которых, как на могильной плите, имена давно ушедших людей, вызывают у меня очень горькое чувство. Я был очень молод, когда написал пьесу «Ретро» о стариках. Для многих замечательных актеров пьеса становилась последней в их карьере.

В Рейкьявике, кстати, эта пьеса шла лет десять назад. Я встретился с актрисой, которая осталась уже одна из звездного состава. Мы выпили с ней вина, и дрожащими руками она достала афишу, потом стала перебирать фотографии. Я смотрел на нее и думал: как все у людей театра похоже!

ТЕАТР КАК ИНСТРУМЕНТ

Независимая газета. — 2000. — 15 апр. — с. 9-11

был истинный масштаб не системы, а человека. Вдумайтесь только в одно название — «Уроки музыки!» Вот истинный масштаб, перед которым любые общественные системы — тоталитарные ли, демократические — мельчают. «Музыка», понятая как совершенство и гармония, есть вечный урок и экзамен, заставляющий человека бороться не с системой, не с окружающими, а с самим собой, с собственным ничтожеством. Потому что самый страшный тоталитаризм внутри человека. Но все человеческое нам до сих пор чуждо. В том числе и живые эмоции — этот кислород театра...

— А вы считаете, что такие эмоции исчезли?

— У нас замечательный театр с актерами, режиссерами и сценографами мирового уровня. Но куда-то уходит наивное и доверчивое поколение зрителей, которое десятилетиями питало театр своей верой. Сегодня театру надо если не удивлять, то хотя бы оставаться вниманием новых зрителей. Конечно, не столько в театре дело, но прежде всего в самой нашей жизни, в людях, уже почти утрачивающих чувство достоинства. Меняется представление о жизни, меняются ценности. Поэтому и лица изменились в зрительном зале...

— Но и театр изменился. Дают спектакли, которые в концентрированной форме преподносят то, что называется «мерзостью жизни». Зритель защищается...

— Мерзость жизни дает прежде всего сама жизнь, а театр наш, как может, пытается защитить от нее людей. Вы перечитайте прекрасные пьесы Петрушевской, Славиной, Казанцева, Горина, Разумовской, Соколовой. Самое сильное театральное впечатление последнего времени у меня от небольшой пьесы автора и исполнителя Гришковца «Как я съел собаку». На сцене один человек, кусок материи и корабельный канат. И все. Этот моноспектакль о нашей жизни, о людях, которые нас окружают, о времени и вечности — награда за многие годы ожидания естественного, человеческого театра. Автором современного спектакля считается ре-

Задумал смешную пьесу для театра эпохи выживания. Перед людьми и страной проблема выживания стояла, как говорится, в полный рост, хотя дело было до дефолта. Невероятная средневековая жестокость, как черная туча, висевшая над Россией, не рассеивалась. Телевидение информировало граждан: казни, «зачистки», убийства, воровство и прочие злодеяния... Сбывалось прощество могильщика коммунизма артиста Рейгана: Россия, став правопреемником Советского Союза, хоть и теряла территории, но оставалась все-таки «империей зла». И все это надо было вместить в 60 страниц текста. Я должен был постоянно смеяться, чтобы, не дай Бог, не впасть в патристическое или либеральное кликушество, от которого у нормальных людей давно уже сводит скулы. Знаете, отчего развалилась советская империя? Она стала смешна. Ведь наши дряхлые вожди были так смешны и ничтожны, что даже похороны их не вызывали сострадания. Эта потребность смеяться понята артистами в спектакле «Сирена и Виктория», и зритель, слава Богу, хохочет от души...

— Вы кино снимаете? Люди помнят и любят ваш «Плач Казановы».

— Новое кино снимаю... Продолжу летом, если, конечно, продюсеры найдут деньги...

— А вы сами не ищете?

— Я не умею... Я вообще годами ничем не занимаюсь... созерцаю...

— Дзенская отрешенность художника в эпоху катастроф?

— Я, без преувеличения, не делаю ничего. Все возникает как-то само по себе...

— В эпоху всеобщего порыва к успеху? «Быть знаменитым некрасиво»?

— Некрасиво. Я живу, конечно, не без скромного драматургического успеха. Мне улыбаются театральные вахтеры, и иногда узнают о фойе зрители. Но, повторю, все происходит спонтанно и без каких-либо моих усилий. Рассказываю, как было. У меня с детства тяготение к актерству, и одним из моих увлечений была игра в другую жизнь: я

надевал отцовское старое пальто, шапку, калоши, брал костыль, уходил в город, заходил в магазин, никто не догадывался, что я мальчик, а не старик. С тех пор я так и не понял, кто же я! Разные у меня были роли, но по-прежнему исполняю я всего лишь несколько — сын, муж, отец, друг, сосед, кучерявый уйти, исчезнуть, я вдруг устыдился чего-то. Я понял, что мне надо как можно быстрее забыть свой успех. Знаете почему? Вы когда-нибудь видели старые, пожелтевшие афиши? Это очень грустно, правда? Старая книга — это совершенно другое. Старинные фолианты хранят как великую ценность. Но легкомысленные афиши, на которых, как на могильной плите, имена давно ушедших людей, вызывают у меня очень горькое чувство. Я был очень молод, когда написал пьесу «Ретро» о стариках. Для многих замечательных актеров пьеса становилась последней в их карьере.

В Рейкьявике, кстати, эта пьеса шла лет десять назад. Я встретился с актрисой, которая осталась уже одна из звездного состава. Мы выпили с ней вина, и дрожащими руками она достала афишу, потом стала перебирать фотографии. Я смотрел на нее и думал: как все у людей театра похоже!

надевал отцовское старое пальто, шапку, калоши, брал костыль, уходил в город, заходил в магазин, никто не догадывался, что я мальчик, а не старик. С тех пор я так и не понял, кто же я! Разные у меня были роли, но по-прежнему исполняю я всего лишь несколько — сын, муж, отец, друг, сосед, кучерявый уйти, исчезнуть, я вдруг устыдился чего-то. Я понял, что мне надо как можно быстрее забыть свой успех. Знаете почему? Вы когда-нибудь видели старые, пожелтевшие афиши? Это очень грустно, правда? Старая книга — это совершенно другое. Старинные фолианты хранят как великую ценность. Но легкомысленные афиши, на которых, как на могильной плите, имена давно ушедших людей, вызывают у меня очень горькое чувство. Я был очень молод, когда написал пьесу «Ретро» о стариках. Для многих замечательных актеров пьеса становилась последней в их карьере.

В Рейкьявике, кстати, эта пьеса шла лет десять назад. Я встретился с актрисой, которая осталась уже одна из звездного состава. Мы выпили с ней вина, и дрожащими руками она достала афишу, потом стала перебирать фотографии. Я смотрел на нее и думал: как все у людей театра похоже!

мне позвонила из типографии: заберите куда-нибудь ваши пакки. Я приехал на склад: лежат как на кладбище, мои пьесы, на них когда-то плакали и смеялись по всей Руси. Погурузил я их в багажник и подумал: зачем я это сделал? Не надо было. В этом чуде театра, что он почти ничего не оставляет материального, в этом его сила. И как-то с тех пор боюсь этого. Одно время я поверил в Интернет. Мне показалось, что пьесы в сети, как планеты, висят в космосе и любой может на них смотреть. Наверное, я одним из первых «нетехнарей» стал пользоваться Интернетом в Москве. Мои ранние пьесы бурно шли в американских университетах, и в одном из них мне подарили компьютер. За компьютер в Москве в начале девяностых часто убивали, потому что на него можно было купить не то что квартиру, а половину улицы. Я его не продал, не совершил грех первоначального накопления и не стал олигархом. Вместо этого я несколько лет бился над веб-дизайном. Построил свою страничку сам, без чьей-либо помощи, и вышел в мир со своими двумя мегабайтами пьес. И я стал искать тех, кому я был нужен. Наши люди, воспитанные на мега-тоннах, а не на мегабайтах, тогда еще не могли меня увидеть в Интернете. Не хватало простого мыла, зубной пасты, денежной массы, демократии и многих других вещей первой необходимости. Многим было не до Интернета. Блуждая в Сеги, нашел я американский, естественно, сайт под названием DRAMA. Открыл

эпизод. Вы допускаете его неизбежность?

— Я все допускаю. Я догадался с помощью театра вот о чем. В игре заложена одна очень важная вещь. Существует неопровержимая потребность человека постоянно противостоять смерти. Искусство ведь абсолютно бессмысленно с точки зрения биологической жизни. С точки зрения ее воспроизведения и продолжения. Театр, живопись, музыка — какое это имеет отношение к человеку, который никогда и никак с этими избыточными вещами не соприкасается? Другое дело, например, кислород или озон. Мы дышим воздухом, но никто из нас, дыша, не задается вопросом: а кто отвечает за атмосферу? Есть сила, которая делает это помимо нас — держит небо. Значит, небо кому-то или чему-то поручено. Но если театр как небо, все еще существует значит, занимается им кому-то поручено. Я пишу пьесы и делаю это почти бессознательно, как дышу. Хотя миллиарды людей никогда не увидят русского театра, моих пьес, не услышат ни звука на нашем языке. Я не анализирую, зачем я это делаю. Я просто делаю. Я только стараюсь помнить, что мы занимаемся чем-то опасным...

— Искусство несет опасность? Искусство огорчается, что его поместили то ли в регистр успешного бизнеса, то ли на задворки развлечения. Опасен, в каком-то более очевидном смысле, бомбардировщик в бреющем полете. Бывает искусство, которое отменяет бомбардировщик. Бывает такое, которое его не замечает. А бывает и то, что создает ожидание бомбардировщика. Вы говорите об опасности иного рода?

— Искусство связано с верой и доверием и может привести к человеческой катастрофе. Театр — это инструмент веры. С его помощью человек реконструирует жизнь и строит. Искусство может внушить человеку, что он сверхчеловек. Имеет право на убийство. Дальше — фашизм...

— Что же, вы с редкой внятностью и отвагой защитили дежурно похрамное искусство и его назначение. Театр как лицедейство, на крайний случай, элитарный мир для ценителей...

— Театр теряет ту дивную прозрачность, которая у него была когда-то, потерял чудо следования незримому и навременному в человеческой природе. Все великое русское искусство противостояло временному и материальному. Театр находится в плену авторитетов и в гуще борьбы амбиций. Но иногда в нем происходят события, которые потрясают величием духа! На свой первый гонимый в кино я купил себе телескоп, надеясь таким образом спастись от сопутствующих успеху болезней: страха все потерять, ужаса и заискивания перед публикой, зависти к чужому успеху. Астрономия вообще полезна для напоминания об истинных масштабах любого успеха...

— Ну, после телескопа про злободневное не решусь спрашивать.

— После телескопа тянет к злободневному — еще Ньютон нам это открыл.

— У вас, Александр, трагическое восприятие того, что там, за стенами театра?

— Из призрачной сферы театра, где слишком много интуиции, мы поворачиваемся к реальной. В чем я вижу основную беду. В нашей стране почти не осталось неэкстремально мыслящих людей. Кто знает, а вдруг земная жизнь — это всего-навсего замечательное и веселое романтическое приключение. А мы этого не поняли и сделали из жизни такую мучительную процедуру! И надо делиться, делиться, делиться, как мог бы сказать Владимир Ильич. Вот я, например, не совершаю злодеяний в экономической сфере. Как я этого добился? Я постоянно вспоминаю, что я из очень бедной семьи, с 14 лет работал, и все мое путешествие по материальной жизни выглядит, как беспрерывный успех. Если ты родился в Курске под лестницей, спал в корыте, жил в нищете, то твой путь к нормальной двухкомнатной квартире, мебели и сносной одежде сам по себе может считаться великолепным результатом. Откуда же взяться зависти и страху, что я что-то недоборал? Надо учиться радоваться тому, что есть. А есть не так уж мало — жизнь. Мы живем в эпоху неверия, и не нужно верить во что попало. Помните 91-й год, красивые лица, достоинство, помните? Эта короткая легенда завершается на наших глазах. Так что не надо себя обманывать. Советская империя представляла из себя, конечно, ужасное образование, с точки зрения отсутствия свобод, прав и одинаковых возможностей. Был народ с трагической историей, который с той властью не уживался, боролся, воровал, смеялся, как мог, выживал. Как бы сейчас выборные технологии не превратили его в оболваненную массу. А, впрочем, и не такое перемогали.

— Все религиозные системы предусматривают окончательный

ВЕРЫ

Драматург Александр Галин считает, что астрономия полезна для напоминания об истинных масштабах любого успеха

При встрече с русскими исполнителями этой пьесы мы тоже вспоминаем тех, кто когда-то в ней играл. Спектакль живет в каких-то особых уголках памяти и долго не умирает. Он хранится там, где хранятся воспоминания о человеческих радостях, которых, увы, не так много. А сейчас я открою вам небольшую тайну. Драматурги, как бездомные собаки, ждут, когда их кто-то возьмет в дом. Вот уже лет семь я не вхожу в театр Олега Табакова. А я живу в двух шагах от него и по несколько раз в день прохожу или проезжаю мимо. Когда-то Олег, которого я по-прежнему очень люблю, замечательно поставил мою пьесу «Крыша» с молодыми своими учениками, я написал для них другую пьесу — «Дыра», сам поставил ее и уже писал для них третью. Однажды я проходил по двору во время летнего театрального отпуска, когда в здании был ремонт, и увидел, что свежеемощенный двор у входа в театр устлан афишами старых спектаклей. Среди них я разглядел и афишу своего спектакля. Я узнал ее, несмотря на то что она была затоптана чьими-то подошвами. Присмотревшись, я обнаружил, что афиша была с моей авторской подписью. Обычно автор после премьеры благодарит театр, артистов, признается им в любви. Написал такое признание в день премьеры и я. Помню, что искренне, потому что очень любил этот молодой театр и Олега, который тоже всегда относился ко мне тепло, играл в моей пьесе «Восточная трибуна», воевал за нее, добирался аж до Андропова, чтобы ее разрешили сыграть. Я понимаю, что моя затоптанная афиша была всего лишь нелепой случайностью, халатностью литературного отдела. Я все понимаю, но не могу больше переступить порог театра. Все имеет смысл в нашей жизни, каждая деталь. Театр в эпоху выживания поставил своего драматурга и таким вот образом. Что-то в этом есть, правда? Точно так же, как в триумфе коммунизма на сцене Таганки...

— А книги?

— Когда-то, лет десять назад, издали в России мою книгу пьес. Настал момент продавать тираж,

страницу представленных там коллег... и не было там конца их длинному безвестному и траурному списку. И опять судьба ударила меня по рукам: не лезь в Вечность. Надо будет — тебя туда позовут! И я не стал помещать себя в этот список, не стал себя рекламировать и объявлять. Недавно понравилась мне программа свободного интернетовского общения ICQ, в переводе на язык наших электронщиков — Аська. В отличие от неконтролируемого и часто принудительно чата, ты можешь разговаривать только с тем, кого ты сам выбрал в собеседники. Участвуют в этих интернетовских беседах каждый вечер миллионы человек. Стал искать я себе собеседников, вошел в разделы по интересам. Политика, компьютеры, другое железо, игры, порно, разнообразный виртуальный секс, торговля. Наконец, нашел искусство, потом театр, а там — всего два человека. Я записался третьим. Вот такой успех у театра сейчас...

— Но ведь театр — это же не вся жизнь! Мы идем по улице — казино, магазины, рестораны, торговля, но мы — каждый — несем свой мотивчик... Картинка.

— В том-то и дело, что для нас театр — это вся жизнь!

— Театр живучий. Он легче и жизнеспособнее писания в стол. Вышел человек на улицу — и делает театр. Двое, без зрителей, разговаривают, думают, что жизнь живут, а получается драматургия.

— В этом мире все происходит по законам целесообразности. Если бы не так, по Арбату вышагивал бы динозавр. Но его нет. Если театр существует, он человечеству для чего-то нужен.

— Это какой-то невероятно материалистический взгляд. На фоне самоустрашения.

— Совершенно не материалистический. Наоборот. С годами мне становится ясно, что человек фатально необъективен. Приборы, им созданные, необъективны. Человеку кажется, что он приподнялся и понял что-то про себя и Вечность, но это оказывается очередным заблуждением.

— Все религиозные системы предусматривают окончательный